

Тимоти Уильямсон

Воображение, соглашение и неопределенность*

1

Люди лучше разбираются в логике, нежели в философии¹. Когда философские размышления требуют пересмотра основ логики, более вероятно, что ошибочна именно философия, а не логика. Хотя нет никакого общего методологического запрета на такой пересмотр, так же как нет никакого общего методологического запрета на философски мотивированный пересмотр основ физики. Любое конкретное предложение по пересмотру чего-либо должно быть принято с некоторым скептицизмом. Прежде, чем мы найдем ошибку в философском аргументе, мы уже должны предполагать, что она есть — что, впрочем, не означает, что мы не должны искать ее².

Эпистемическое представление о неопределенности основано на использовании классической логики в неопределенных языках вместе с дисквотационными принципами истинности и ложности. Последние могут быть рассмотрены через эти схемы (где «*s*» — имена предложений):

ИСТИНА Если *s* сообщает, что *P*, то *s* истинно тогда и только тогда, когда *P*.

ЛОЖЬ Если *s* сообщает, что *P*, то *s* ложно тогда и только тогда, когда не *P*.

ИСТИНА и **ЛОЖЬ** могут рассматриваться как базовые определения истинности и ложности для предложений. Например, если предложение «Джек является лысым» говорит, что Джек является лысым, тогда «Джек

* Williamson T. Imagination, Stipulation and Vagueness // Philosophical Issues, 8, 1997. Перевод выполнен Алисой Верук и Ниной Зубковой с любезного разрешения автора. — Примеч. ред.

1 Большинство людей лучше разбираются в логике, чем в философии. Конечно, некоторые отдельные люди лучше разбираются в философии, чем в логике.
2 Майкл Тай вполне правдоподобно предполагает, что люди также лучше в разбираются неклассической логике, чем в философии. Это действительно так, когда они используют классическую металогику.

является лысым» истинно, если и только если Джек является лысым, и ложно, если и только если Джек не является лысым. Согласно классическому закону исключенного третьего либо Джек является лысым, либо Джек не является лысым. Далее, согласно классической логике, из этого следует, что «Джек является лысым» либо истинно, либо ложно, и что истинно либо «Джек является лысым», либо «Джек не является лысым». Предположим, что Джек представляет собой пограничный случай для понятия «лысый». Тогда, грубо говоря, мы понятия не имеем о том, как узнать, является ли Джек лысым. Последнее еще не говорит о том, что есть что-то, чего можно не знать. Но если либо «Джек является лысым» истинно, либо истинно его отрицание, то существует что-то, чего мы можем не знать. Имеется истина, которую мы не можем знать – по крайней мере, мы не можем ее знать каким-либо обычным образом; то, могли ли мы знать это посредством свидетельства *deus ex machina*, не является предметом последующего обсуждения.

Некоторые пытались примирить бивалентность и невыводимость пограничных случаев с отрицанием «подлинного» незнания. Проблема заключается в объяснении очевидной альтернативы эпистемического объяснения пограничных случаев. Недавняя весьма удачная попытка Вэнна Макги и Брайана Маклоглина иллюстрирует эти трудности. Они обнаружили противоречие в пограничных случаях между принципом раскавычивания и принципом корреспонденции, двумя фундаментальными компонентами нашей концепции истины. Их принцип раскавычивания сочетается с похожими принципами раскавычивания для истинности и ложности. А их принцип корреспонденции гласит,

что истинностные условия для предложения устанавливаются мыслями и действиями носителей языка, и что предложение истинно только в том случае, когда нелингвистические факты [их сноски: Если, конечно, рассматриваемое предложение не касается языка] определяют, соблюдены ли эти условия³.

Согласно Макги и Маклаглину, если «Гарри лыс» является пограничным случаем, то из принципа корреспонденции следует, что это утверждение не может быть ни истинным, ни ложным (р. 215). Принцип же раскавычивания влечет за собой либо истинность, либо ложность этого

3 McGee V., McLaughlin B. Distinctions without a Difference // The Southern Journal of Philosophy, Supplement, 1995, 33, p. 214.

утверждения. Они полагают, что мы должны сохранить только принцип раскавычивания для истинности и ложности, а принцип корреспонденции необходимо использовать только для определения более сильных понятий *определенной* истинности и *определенной* ложности (р. 217). Таким образом «Гарри лыс» либо истинно, либо ложно, но это утверждение не является ни определено истинным, ни определено ложным. Оператор определенности для объектного языка в сверхоценочной (supervaluationist) семантике обозначается «Def»; [Def*P*] является истинным в [классической] модели, если и только если [*P*] истинно во всякой допустимой [классической] модели⁴. Таким образом, классическая логика сохраняется. Как кажется, принцип корреспонденции не включает в себя эпистемических понятий и поэтому может использоваться для определения неэпистемического понятия определенности. Но рассмотрим предполагаемый конфликт между принципами раскавычивания и корреспонденции. Можно утверждать следующее:

(*) Мысли и практики носителей языка устанавливают, что условие истинности утверждения «Гарри лыс» состоит в том, что Гарри лыс, а условие ложности этого утверждения состоит в том, что Гарри не лыс. Гарри является либо лысым, либо не лысым. Если Гарри является лысым, то то, что он является лысым, представляет собой нелингвистический факт, и этот факт точно устанавливает, что условие истинности утверждения «Гарри лыс» выполняется. Если Гарри не является лысым, тогда нелингвистическим фактом является то, что Гарри не является лысым, и этот факт точно определяет, что выполняется условие ложности утверждения «Гарри является лысым». Таким образом корреспондентный принцип делает утверждение «Гарри лыс» либо истинным, либо ложным.

Макги и Маклоглин должны отвергать (*). Тем не менее (*) показывает, что в промежуточных случаях между принципами раскавычивания и корреспонденции как таковыми нет никакого противоречия. Макги и Маклоглин должны допустить, что даже если Гарри является лысым, то

4 Комбинация такого сверхоценочного объяснения определенности с дисквотационным понятием истины, которое *не* является истиной во всех допустимых моделях, была предвидена Китом Файном в Fine K. Vagueness, Truth and Logic // Synthese, 30, 1975, p. 296.

то, что Гарри является лысым, не является подлинным нелингвистическим фактом, или, возможно, условие, что Гарри является лысым, не является подлинным условием истинности. Этот необъясненный имплицитный стандарт подлинности представляет собой то, что наносит вред принципу корреспонденции и понятию определенности. Пока этот стандарт не определен, наивно полагать, что подлежащее условие, которое должно выполняться, является неэпистемическим (как то полагают авторы). Таким образом Макги и Маклаглин не удалось преуспеть в том, чтобы сформулировать ясную альтернативу эпистемическому представлению о неопределенности⁵.

На первый взгляд эпистемическая точка зрения довольно убедительна. Тем не менее, многие философы расценивают ее как слишком контринтуитивную, чтобы воспринимать всерьез. Похож ли эпистемизм о неопределенности на модальный реализм Дэвида Льюиса и диалетеизм Грэхема Приста – которые трудно опровергнуть и в которые трудно поверить. Является ли эпистемизм жертвой недоверия? Ключевое различие в том, что модальный реализм и диалетеизм, в отличие от эпистемизма, являются ревизионными концепциями в логике. Диалетеизм состоит в том, что некоторые противоречия истинны; столкнувшись с тривиализацией классической дедукции, диалетеизм отвергает классическую логику⁶. Модальный реализм рассматривает разговор о возможном тождестве посредством теории двойников, и отвергает тезис квантифицированной модальной логики (с классической логикой тождества) о том, что идентичные предметы не могут быть различны⁷. Эпистемизм использует другую методологию: логика остается неизменной для того, чтобы дисциплинировать философские рассуждения. Противники этой методологии отвергают такую дисциплину. Эпистемисты же полагают, что в конечном счете результаты этой дисциплины будут более удовлетворительными как с философской, так и с логической точки зрения.

В чем состоит источник антиэпистемистских интуиций? В §II доказываемся, что предельные точки применимости неопределенных терминов, предполагаемых эпистемической точкой зрения, в некотором

5 В работе Williamson T. Definiteness and Knowability // The Southern Journal of Philosophy, Supplement, 33, 1995 более подробно рассматривается аргумент, проистекающий из классической логики и семантики к эпистемической точки зрения.

6 Priest G. In Contradiction. – Dordrecht: Nijhoff, 1987.

7 Lewis D. On the Plurality of Worlds. – Oxford: Blackwell, 1986, p. 263.

смысле непредставимы. Последнее делает эту точку зрения противоречащей здравому смыслу, но не является при этом аргументом против нее. Некоторые философы находят эпистемическую точку зрения контринтуитивной особенно в отношении простых случаев неполных соглашений. В §III утверждается, что эта точка зрения позволяет сформулировать согласованное объяснение этих случаев. Очевидно, что эти два пункта не являются серьезными проблемами для эпистемической точки зрения⁸. Их цель – предположить, что мы неправильно понимаем то, что наши интуиции должны говорить нам о неопределенности, если мы рассматриваем их в некритическом духе.

2

Представьте кучу песка. Представьте, что мы удалили одну песчинку, а остальные оставили нетронутыми. То, что остается, в вашем воображении так же является кучей (я так предполагаю). Кажется убедительным в рамках вашего воображения, что результатом удаления одной песчинки из кучи все еще является куча⁹. Тогда самым обычным образом возникает парадокс. Но насколько наш мысленный эксперимент поддерживает главную предпосылку парадокса о том, что результатом удаления одной песчинки из кучи все еще является куча?

Представьте птицу. В вашем воображении она не является пингвином (я так предполагаю). Ясно, что этот мысленный эксперимент не дает какого-либо серьезного подтверждения того, что пингины не являются птицами. Они не являются *прототипичными* птицами, это не тот вид птиц, который вы представляете, когда вас просто просят представить птиц, но тем не менее они весьма определенно являются птицами. Что же вы делаете, когда вас просят представить кучу? Весьма вероятно, что вы представляете прототипичную кучу, что-то с намного большим количеством песчинок, чем необходимо для того, чтобы составить кучу. Таким образом, приведенный ранее мысленный эксперимент, возможно, не подтверждает ничего более сильного, чем следующее утверждение: результатом удаления одной песчинки из *прототипичной* кучи все еще является куча (не обязательно прототипичная). Это утверждение не порождает парадокса; из него даже

8 Более полное обсуждение этих и других проблем эпистемизма см. в: Williamson T. Vagueness. – London: Routledge, 1994.

9 В дальнейшем будет подразумеваться, что остальные песчинки остаются нетронутыми.

не следует, что результатом удаления двух песчинок из прототипичной кучи является куча¹⁰.

Было бы преждевременно заключить, что воображение бесполезно когда мы размышляем о неопределенности. Но использование мысленных экспериментов должно тщательно контролироваться с помощью анализа ограничений нашего воображения. В частности, возникает такой вопрос: если чье-то воображение позволяет отказаться от эпистемического взгляда на неопределенность, то это происходит потому, что эпистемическая точка зрения ложна, или же потому, что воображение чем-то ограничено? Далее будет доказываться, что, так как эпистемическая точка зрения предполагает, что предельные точки применимости, которые она постулирует, в некотором смысле невообразимы, то обнаружение того, что они действительно невообразимы, не служит в качестве аргумента против эпистемического подхода. Кроме того, так как нет оснований предполагать, что наше воображение может охватить все существующее, то сама вероятность эпистемической точки зрения несколько не уменьшается тем, что мы допускаем существование предельных точек применимости.

В этом контексте приведенный аргумент о прототипах более не является достаточным. Возражение по отношению к эпистемической точке зрения состоит в том, что наше воображение не работает, когда мы пытаемся представить, что куча песка превращается в не-кучу из-за удаления лишь одной песчинки. Так как сама специфика задачи очевидно требует, чтобы куча песка находилась около границы кучности, выбор по умолчанию прототипичной кучи нам уже недоступен. Неудача нашего воображения имеет более глубокий источник.

Рассмотрим постепенное разложение кучи песка, песчинка за песчинкой. С эпистемической точки зрения этот процесс содержит некоторую стадию, на которой куча песка превращается в не-кучу из-за удаления одной песчинки. Назовем любую такую стадию *переходом*. Можем ли мы представить переход? Термин «представить» имеет ряд смыслов. В некотором крайнем случае, чтобы представить, что *P*, нужно просто допустить, что *P*, например в качестве гипотезы для *reductio ad absurdum*. В этом смысле мы можем, конечно, представить, что данная

10 Недавнее обсуждение понятия прототипичности и неопределенности см.: Kamp H., Partee B. Prototype Theory and Compositionality // Cognition, 57, 1995; Fodor J., LePore E. The Red Herring and the Pet Fish: Why Concepts Still Can't Be Prototypes // Cognition, 58, 1996; и Osherson D., Smith E. On Typicality and Vagueness // Cognition, forthcoming.

стадия в процессе постепенного разложения кучи является переходом. Но это вовсе не показывает, что это мог бы *быть* переход. Любое утверждение может быть переведено в разряд гипотез. Если мы не можем вывести противоречие из гипотезы о том, что данная стадия является переходом, то этот факт способствует защите эпистемической точки зрения, но это не касается того смысла, в котором наши мыслительные эксперименты *действительно* отвергают гипотезу.

Другая крайность – представление себе чего-либо является заменой опыта. Представить здание с помощью планов архитектора означает заменить опыт хождения и осмотра этого здания. Воображение чувства злости является заменой опыта ощущения себя сердитым. Конечно, слово «замена» здесь является только указанием на определенное объяснение, которое я не буду пытаться привести. Но здесь многое подразумевается: когнитивный момент воображения в этом смысле состоит в том, что, представляя что-то, можно получить некоторую информации об этом, которую можно было бы получить и через опыт. Соответствующие способы опытного познания чего-либо включают восприятие, ощущение и (в широком смысле слова «опыт») запоминание этого. Напротив, представляя что-либо, нельзя полагать, что можно получить такую информацию об этом предмете, которую, быть может, в принципе невозможно было бы получить из опыта. В частности, если в принципе невозможно распознать некоторую стадию в качестве переходной для кучности в опыте касательно процесса постепенного разрушения, тогда нельзя предполагать, что ее можно распознать в качестве переходной, когда этот процесс лишь представляется в воображении. Однако все еще можно представить, *что* эта стадия является переходной, но только в гипотетическом смысле термина «представить», неуместность которого уже была отмечена.

С эпистемической точки зрения невозможно распознать какую-либо стадию в качестве переходной, когда процесс разрушения кучи рассматривается опытно. Почему нет? Ответ заключается не в том, что у перехода отсутствуют характерные проявления, отличающие его от всех других стадий. Эпистемический подход не предполагает, что у двух следующих друг за другом стадий этого процесса всегда был бы один и тот же вид, поскольку тогда у первой и последней стадий был бы один и тот же вид, что, разумеется, не так. Логика тождества предполагает, что наличие одного и того же вида является транзитивным отношением. Перцептивно *неразличимость* не является транзитивным отношением, но не верно, что в каждом ряду утверждений сорита любые две

последовательных стадии процесса последовательного разрушения являются перцептивно неразличимыми. Для того, чтобы прояснить это, представим, что исходная куча состоит из двадцати больших цветных камней разной формы. Каждая стадия процесса разрушения кучи может быть легко дифференцирована невооруженным глазом. С эпистемической точки зрения одна из стадий в действительности является переходной. Какой бы из них она ни была, эта стадия перцептивно отличима от любой другой стадии. Можно узнать в ней стадию перехода. Однако, эти стадии формируют последовательность сорита; нельзя узнать стадию перехода в качестве чего-то переходного, так как это предполагало бы обнаружение предела кучности.

Препятствием признания перехода в качестве перехода является нечто концептуальное, а не перцептивное. Полное эпистемическое объяснение слишком сложно, чтобы приводить его здесь; некоторых замечаний должно быть достаточно. Рассмотрим момент прямо перед стадией перехода. Суждение, что куча существует, все еще истинно. Некто корректно употребляет понятие кучи. Но совершение суждения не является в достаточной мере чувствительным к совокупному паттерну диспозиций и каузальных связей с окружающей средой, в силу которой используемое понятие является понятием кучи, а не понятием кучи*; пусть требуется на одну песчинку (или камень) больше, чтобы создать кучу*, чем это необходимо, чтобы создать кучу. Содержание понятия не исчерпывается фактом его настоящего употребления. Если бы паттерн употребления лишь слегка отличался, то используемое понятие было бы понятием кучи*, а не кучи, и представляемый нами человек запросто мог бы использовать это понятие в той же ситуации и тем же образом, вынося суждение, тем самым, что перед ним куча*. Последнее суждение было бы ложно, поскольку, несмотря на то, что хватает песчинок, чтобы составить кучу, этих песчинок не хватает, чтобы составить кучу*. Таким образом суждение, что перед нами куча, проистекает из метода суждения, который легко может привести к ложному суждению в той же самой ситуации¹¹¹². Основание истинного суждения, что перед нами куча, очень ненадежно. Таким образом, суждение не выражает знания; в этой ситуации нельзя знать, что перед нами куча. Удаление следующей песчинки является переходом, но признание этого действия как перехода

11 Напротив, в рамках логики тождества кажимость не является тем же транзитивным отношением.

12 Здесь не утверждается, что субъект легко мог бы ложно рассудить, что перед ним куча.

предполагает наличие знания, что перед нами кучей. Таким образом, нельзя признать переход в качестве перехода.

Так как нельзя признать стадию в качестве переходной когда процесс разбирания рассматривается опытно, то нельзя признать ее как переходную и когда процесс лишь рассматривается в воображении. Таким образом, эпистемический подход предполагает, что моменты предельных состояний непредставимы в некотором релевантном смысле. То, что эти моменты предельных состояний действительно непредставимы, является в некотором смысле хрупким эмпирическим подтверждением эпистемического подхода. Конечно, любое независимое от приведенных рассуждений основание, дающее возможность предполагать, что если моменты предельных состояний существуют, то они являются вообразимыми, представляло бы собой угрозу для эпистемического подхода, но у нас нет таких оснований. Наше воображение не является мерой всех вещей. Так как наши интуиции зависят от способностей нашего воображения, в эпистемическом подходе всегда будет нечто неинтуитивное. Но мы взрослые; как только мы проследим нечто не являющееся интуитивным до его источника, мы сможем научиться не придавать этому больше философского значения, чем оно того заслуживает.

Та же самая диалектика применяется на металингвистическом уровне. Вместо того, чтобы сосредотачиваться на отношении между кучностью и определенными конструкциями из песчинок, можно сосредоточиться на отношении между корректным применением слова «куча» и конкретными паттернами его употребления. Далее, проблема состоит в том, что мы не можем распознать переход между паттернами употребления, в силу которых данное слово применяется корректно, и паттернами употребления, в силу которых этого не происходит. Мы можем знать, *что* употребление определяет значение, но мы не знаем, *как* это происходит. Для того, чтобы точно установить функцию фиксирования для неопределенных слов, нам придется точно установить их правильное употребление, чего мы как раз и не можем сделать. Рассматриваем ли мы употребление в своем опыте или воображаем его, мы не можем распознать некоторую стадию в качестве перехода. Далее, эпистемический подход корректно предполагает, что мы не можем представить себе переход в качестве «перехода». То, что это так, не является недостатком этой точки зрения. Когда мы рассуждаем о неопределенности, логика представляется лучшим проводником, нежели воображение.

Воображение представляет так же и другую опасность для эпистемической точки зрения на неопределенность. Формулируя случаи, не имеющие отношения к действительности, можно предположить, что вполне вероятно последовательно представить не-эпистемическую неопределенность, чтобы установить, по меньшей мере, что не-эпистемическая неопределенность *могла бы* существовать. Из закона Мерфи, то есть, необратимого принципа, согласно которому, если что-то может пойти не так, то оно именно так и будет идти, следует, что не-эпистемическая неопределенность существует. Наиболее выдающиеся случаи этого включают в себя неполные соглашения. Например, Кит Файн вводит предикат «приятный₁» для натуральных чисел, определяющийся следующими пунктами¹³:

- (1) (a) n является приятным₁, если $n > 15$.
 (b) n не является приятным₁, если $n < 13$.

Очень хочется сказать, что не важно, является ли 13, 14 или 15 «приятным₁». Как в отношении этих случаев эпистемический подход может оказаться верным? Но если он неправилен для неполных соглашений когда они являются явными, что бывает редко, – разве он не будет так же неправильным и для неполных соглашений, когда они являются неявными, как это часто бывает? Вот та проблема, с которой мы здесь столкнемся.

Можно было бы просто считать, что так как соглашение неполно, термин «приятный₁» не осуществляет референцию, а предложения, содержащие его, не в состоянии что-либо сообщить; так как принципы раскавычивания ИСТИНЫ и ЛЖИ относятся только к предложениям, которые что-то сообщают, то это не является контрпримером по отношению к эпистемическому подходу. Однако это неперспективный способ защиты эпистемического подхода. Если ничто не сообщается в случае, когда неполные соглашения являются явными, то, по-видимому,

13 См.: Fine K. Vagueness, Truth and Logic // *Synthese*, 30, 1975, p. 266; сходные примеры обсуждаются в Williamson T. Vagueness. – London: Routledge, 1994, pp. 213-214; и Williamson T. Definiteness and Knowability // *The Southern Journal of Philosophy, Supplement*, 33, 1995, p. 189, и используются против эпистемической точки зрения, изложенной в Tappenden J. Some Remarks on Vagueness and a Dynamic Conception of Language // *The Southern Journal of Philosophy, Supplement*, 33, 1995.

ничто не сообщается и в том случае, когда неполные соглашения неявны. Но можно предположить, что наш язык содержит то, что эквивалентно незавершенным неявным соглашениям; такое предположение подразумевает, что наш язык насыщен тем, что равносильно неполным неявным соглашениям; согласно этому допущению, предполагается, что наш язык насыщен терминами, которые не осуществляют референцию, и предложениями, которые ничего не сообщают. Вероятно, эта неполнота проникает даже в словари естественных наук¹⁴. Мы не можем очистить наш язык, обговорив все условия таким образом, чтобы не допустить неполноты, потому что термины, в которых нам придется выразить эти наши соглашения, сами были бы неполными. Если эта точка зрения является правильной, то непоследовательность – цена речи. Это совсем не эпистемическая точка зрения, но своего рода нигилизм, интеллектуальное отчаяние.

Защитник эпистемического подхода должен допускать, что термин «приятный₁» в действительности осуществляет референцию (к свойству бытия приятным₁, конечно), и что многие предложения, включающие этот термин, действительно что-то сообщают. Говоря более точно, проблема возникает только тогда, когда мы желаем употреблять термин «приятный₁»; но если мы желаем этого, тогда мы должны также признать, что предложение «14 является приятным₁» говорит, что 14 является приятным₁. Но если предложение говорит, что 14 является приятным₁, тогда, конечно, оно является истинным, если и только если 14 является приятным₁, и ложным, если и только если 14 не является приятным₁. Учитывая закон исключенного третьего, либо 14 является приятным₁, либо 14 не является приятным₁; из этого, согласно элементарной логике, следует, что предложение «14 является приятным₁» либо истинно, либо ложно. Если это так, это неясно, каково содержание утверждения, что нет ответа на вопрос, является 14 приятным₁ или нет. Трудно избежать эпистемической точки зрения, не отрицая классической логики или дисквотационных бикондиционалов для истинности и ложности. Но если «14 является приятным₁» либо истинно, либо ложно, то каково оно? Случай кажется настолько простым, что весьма трудно полагать, что суть дела глубоко скрыта от нас.

Эпистемической точке зрения доступны некоторые более тонкие маневры. Можно было бы дополнить (1) (a) – (b) так, чтобы «приятный₁» понимался как переменная в области действия квантора общности,

14 Williamson T. Vagueness. – London: Routledge, 1994, pp.169-171.

пробегающая по всем свойствам, выполняющим (I) (a) – (b). Более точно, предложение, включающее «приятный₁», понималось бы как результат замены всех вхождений термина «приятный₁» второпорядковой переменной «P» и добавлением перед началом этого предложения «Для каждого P такого, что n есть P, когда $n > 15$, и n не есть P, когда $n < 13$ ». Согласно этой интерпретации, и «14 является приятным₁» и «14 не является приятным₁» оказываются ложными (но не являются ни истинными, ни ложными). Здесь нет никакой тайны; очевидное отрицание «14 является приятным₁» – «14 не является приятным₁», – не является его реальным отрицанием, так как всякое предложение на самом деле имеет в начале скрытый квантор общности. Классической логике, принципам раскавычивания ИСТИНЫ и ЛЖИ, а также эпистемическому подходу ничего не угрожает. В соответствии со схожим соглашением, математики иногда используют формулы со свободными переменными, чтобы сформулировать утверждения с кванторами общности. Например, если переменная x связана неявным квантором общности и пробегает множество действительных чисел, то оба неравенства $x^2 > x$ и $x^2 \leq x$ некорректны (ложны). Однако, нельзя предполагать, что у нас часто есть необходимые намерения, поскольку это предполагало бы приписать нашим мыслям глубинную форму огромной сложности. В частности, когда неполные соглашения просто не явлены в нашей практике, мы не должны концептуализировать их таким способом, который требовал бы от нас ограничения постулируемых универсальных кванторов (например, «таких, что n есть P, когда $n > 15$, и n не есть P, когда $n < 13$ »). Таким образом, рассмотренный нами шаг имеет строго ограниченную ценность для эпистемического подхода. Необходимо что-то более общее. В дальнейшем поэтому будет предполагаться, что «14 не является приятным₁» является действительным отрицанием «14 является приятным₁».

Этот случай кажется настолько озадачивающим потому, что здесь, как кажется, имеется безупречная симметрия между гипотезами истинностью и ложностью; как может что-либо разбить эту симметрию? Но эта симметрия не совсем совершенна. С эпистемической точки зрения, выбор в объектном языке есть выбор между предикатами «приятный₁» и «не приятный₁». Они не симметричны; второй является отрицанием первого, но не наоборот. Либо «приятный₁», либо «не приятный₁» применяется к непредусмотренным случаям: 13, 14 и 15. Таким образом, либо «приятный₁», либо «не приятный₁» является *неконкретным* в том смысле, что он применяется к разным числам по

весьма различным причинам: к одному числу согласно нашему соглашению, а к другому – согласно некоторым видам постановлений по умолчанию в непредусмотренных случаях. В принципе, «приятный₁» и «не приятный₁» могут быть одновременно неконкретными; например, 15 может считаться приятным₁, а 13 и 14 как не приятные₁. Но, учитывая выбор между рассмотрением некоторого атомарного предиката как неконкретного и рассмотрением как неконкретного его отрицания, мы обычно предпочитаем последнее. Например, мы рассматриваем «красный» в качестве более конкретного предиката, чем «не красный». Изучая язык, мы предполагаем с определенной вероятностью, что некоторый атомарный предикат будет обладать такой конкретностью; но мы не предполагаем, что таковым будет и его отрицание. Конечно, очень трудно сформулировать строгое определение конкретности. В примере Файна «приятный₁» в некотором смысле является *менее* определенным, чем «не приятный₁», однако непредусмотренные соглашения случаи распределены между ними, потому что первый применяется к бесконечно многим числам, а последний к только конечному числу чисел. Но это не противоречит следующему принципу по умолчанию:

SPEC	При прочих равных условиях условия употребления атомарного предиката являются настолько конкретными, насколько возможно.
------	--

SPEC должна пониматься как основополагающий принцип условий употребления, а не только как некоторое правило для практических действий, которое мы используем при изучении языка. Конечно, все прочие условия почти никогда не бывают равны: но убедительная сила примеров, таких как пример Файна, зависит от впечатления, что в этом случае эти прочие условия равны, поскольку это *является* проблемой симметрии. Когда SPEC применяется к «приятный₁», оно предполагает, что «приятный₁» не применяется к случаям, о которых у нас нет соглашения. С эпистемической точки зрения, из этого следует, что 13, 14 и 15 не приятны₁, таким образом, «не приятный₁» действительно применяется к ним. Некоторые числа не являются приятными₁, потому что по соглашению они не являются приятными₁; другие не являются приятными₁, потому что относительно этих чисел у нас нет никакого соглашения. SPEC разрушает симметрию.

Термин может быть введен путем неполного соглашения с намерением, что такие принципы, как SPEC, иррелевантны к его применению. Если это намерение будет выполнено, то предложения, включающие в себя этот термин, по-видимому, будут содержать тот тип универсальной квантификации, который был рассмотрен ранее.

Эпистемический подход к неопределенности не влечет за собой SPEC. Важно то, что эти два термина не противоречат друг другу, поэтому их объединение может дать обоснованное объяснение таких примеров как «приятный₁». Если это объяснение верно, и мы можем знать, что оно верно, то мы можем знать и то, что «приятный₁» не применяется к непредусмотренным соглашениям случаям. Таким образом, с эпистемической точки зрения, «приятный» представляет собой неудачный пример неопределенного предиката. Это в любом случае правдоподобно; точное и явное соглашение (I) (a) – (b) совершенно непохоже на что-либо, что управляет неопределенным предикатом, таким как «красный». Необозримая сложность паттерна нашего употребления, центрального по отношению к объяснению невозможности знания в §II, в соответствии с гипотезой отсутствует. Остается лишь эпистемическая разница между предусмотренными и непредусмотренными случаями в условиях для понимания «приятного₁»: чтобы сделать это, нужно знать, что если $n < 13$ тогда «приятный₁» не применяется к n (или, возможно, следует знать, что *предусмотрено соглашением*, что если $n < 13$ тогда «приятный» не применяется к n); не нужно знать, что если $13 \leq n \leq 15$, то «приятный» не применяется к n . Необходимо знать соглашение; но не нужно знать его следствия.

Заметьте, что I (a) – (b) было переформулировано в металингвистических терминах, с «приятный₁» в кавычках, поэтому связь между соглашением и пониманием вполне может быть установлена. Некто мог бы знать, что n является приятным₁, когда $n > 15$, и что n не является приятным₁, когда $n < 13$, понимая синоним термина «приятный₁», но не зная вообще ничего о самом терме «приятный₁». В то же время вполне правдоподобно, что соглашение должно быть сформулировано в терминах, содержательность которых не требует, чтобы было оговорено еще одно соглашение. I (a) – (b) впредь будет пониматься этим металингвистическим образом.

Допускает ли представленное объяснение такой смысл, при котором *оставался бы открытым* вопрос о том, применяется ли

«приятный₁» к непредусмотренным случаям? Предположим, что некто впоследствии вводит дополнительное соглашение о том, что «приятный₁» применяется к непредусмотренным изначально соглашениям случаям. Согласно представленному объяснению, условие применения термина «приятный₁» перестает быть таковым, что $n > 15$; теперь условие таково, что $n \leq 13$. Таким образом, у «приятный₁» изменилось значение. Но всякий так полагает; конечно, у этого термина изменилось значение, если «14 является приятным₁» изменилось от наполовину истинного или от не истинного, не ложного до просто истинного. Вопрос в том, может ли новое значение так или иначе расцениваться как *пополнение* старого значения. С эпистемической точки зрения оно может рассматриваться так: соглашение, которое необходимо знать для того, чтобы понять «приятный₁» в его новом значении, дополняет соглашение, которое необходимо знать для того, чтобы понять «приятный₁» в его старом значении.

Хотя новое условие полностью изменяет истинное значение некоторых предложений, это не делает его *ошибочным*, так как тот, кто формулирует соглашение не обязан пытаться сохранить истинные значения всех предложений; его намерением может быть просто сохранение изначальных соглашений. Уточнение должно ввести ясные условия применения, которые сохраняют ясные случаи старых условий применения независимо от того, является ясность эпистемическим вопросом или нет. Когда мы свободны вносить уточнения, старые истинные значения в неясных случаях сохранять не стоит.

Что, если мы наоборот договорились, что «приятный₁» *не* применяется к непредусмотренным соглашениям случаям 13, 14 и 15¹⁵? Объем предиката «приятный₁» не изменился. Но если значение определяет понимание, а для понимания требуется знание соответствующих соглашений, то значение термина «приятный₁» изменилось. Поскольку после того, как было введено соглашение о том, что «приятный₁» не применяется к 13, 14 и 15, для понимания термина «приятный₁» требуется знание того, что «приятный₁» не применяется к этим числам (или, возможно, знание того, что существует соглашение о том, что «приятный₁» не относится к этим числам). До введения нового соглашения это знание не требовалось для понимания. Таким образом, условие для понимания «приятный₁» изменилось. Если значение определяет понимание в том смысле, что любое различие в условиях для

15 Этот вопрос поднял Майкл Тай.

понимания выражений подразумевает различие в их значениях, то из этого следует, что значение выражения «приятный₁» изменилось.

SPEC, может казаться, не оказывает помощи относительно некоторых неполными соглашений. Рассмотрим, например, это дизъюнктивное соглашение относительно предиката «четнечетный» для натуральных чисел:

(2)	Или «четнечетный» применяется ко всем и только тем числам, которые являются четными, или «четнечетный» применяется ко всем и только тем числам, которые являются нечетными.
-----	---

Таким образом у «четнечетный» есть два возможных условия употребления равной конкретности: что n является четным, и что n нечетным. SPEC не нарушает симметрии между этими двумя условиями. Конечно, такие условия как (2) не создаются на практике, но само это указание не является удовлетворительной защитой эпистемического подхода. К счастью, SPEC может быть применено и другим способом. Учитывая только (2), основания для того, чтобы применять «четнечетный» к любому натуральному числу, столь же сильны, как и основания для того, чтобы применять его к любому другому числу. Таким образом, две гипотезы, лежащие на поверхности, состоят в том, что «четнечетный» относится ко всем натуральным числам, и что он не относится ни к одному из них. SPEC делает выбор между этими двумя гипотезами в пользу последней: ничто не является четнечетным. Конечно, обе гипотезы противоречат (2), согласно которому «четнечетный» применяется к некоторым, но не ко всем натуральным числам. Это было бы проблемой в том случае, если соглашение о том, что P , всегда делало бы P истинным: но соглашения не имеют такого волшебного эффекта. Самый очевидный пример этого – противоречивое соглашение. Сходным образом, ввести соглашение о том, что новый термин обладает значением, не введя соглашения о том, что он означает, не предполагает, что этот термин становится обладающим каким-то значением. Ввести соглашение, что (2), не означает таким образом сделать (2) истинным. Если понимание выражения «четнечетный» в смысле, заданном (2), влечет за собой знание истины (2), то в этом смысле нельзя понять выражение «четнечетный». Однако, может быть можно понять выражение в этом смысле зная лишь, что соглашением является (2), но не зная, что (2) истинно (таким образом, можно было бы

понять термы, которыми управляют противоречивые соглашения). Так или иначе, критический пробел находится между тем, чтобы вынести соглашение, что P , и тем, чтобы сделать истинным, что P .

Пробел между соглашением и истинностью возникает различным образом для выражения «приятный₁». Содержание соглашения для выражения «приятный» не влечет за собой, что 14 не является приятным₁. Однако, в отсутствие компенсирующих факторов, принятое соглашение сделало истинным то, что 14 не является приятным₁.

Когда соглашение о том, что P , не делает истинным, что P , это не то же самое, как если бы ничто не было сказано вообще. Соглашение может остаться «в книгах», быть оживленным более поздними соглашениями. Например, когда вынесено соглашение (2), позже может быть вынесено соглашение о том, что «четнечетный» применяется к 7, что разрушит симметрию дизъюнктов (2). Эти два соглашения вместе могли бы быть достаточными, чтобы выражение «четнечетный» применялось ко всем и только тем числам, которые являются нечетными. Более позднее соглашение само по себе не приводило бы к такому результату.

Результат соглашения не определяется его содержанием, но зависит также от намерений и авторитета, с которыми оно создано, а также от понимания и почтения, с которыми оно принято. Когда различные случаи должным образом отделены друг от друга, по отношению к эпистемическому подходу не может быть найдено никакого контрпримера¹⁶.

16 Я благодарю слушателей Университета Сант Эндрус и конференции SOFIA и в особенности Марио Гомез-Горренте, Терри Хоргана и Майкла Тая за полезные комментарии, а также Эдинбургский университет и Карнеги Траст университетов Шотландии за финансовую поддержку.